

Сергей Белкин:

«Лидер – это не тот, у кого больше всех власти. Лидер – это тот, кто владеет умами и сердцами, видит будущее, описывает его и зовет за собой»

Интервью главного редактора альманаха и портала «Развитие и экономика» **Сергея Белкина** первому заместителю главного редактора альманаха «Развитие и экономика» Дмитрию Андрееву

– Пользуясь правом главного редактора, предлагаю начать интервью не с вопроса, обращенного ко мне, а с неких вступительных слов. Итак, я родился 9 июля 1950 года в городе Ярославле, так что в июле 2015 года мне исполняется 65 лет. Почему я не считаю нескромным публиковать юбилейное интервью с самим собой в «своем» альманахе? Потому что надеюсь сделать его содержательно интересным, а не просто поводом для удовлетворения тщеславия. Тщеславие, конечно, тоже будет удовлетворено, да ему, признаться, много и не надо.

– **Сергей Николаевич, но в таком случае перед вами непростая задача: через прожитое, через накопленный опыт, наконец, через биографию, чего в интервью должно быть в минимальном объеме – в конце концов, его размер ограничен какими-то разумными пределами, – показать и прошлое, и настоящее. Причем и прошлого – по минимуму. Главное – как это прошлое привело к настоящему. Но и совсем без какой-то элементарной биографической информации не получится. То есть придется всё время балансировать на грани минимально необходимого и не уходить в избыточное...**

– Согласен. Моя биография, о которой уже можно – и в силу продолжительности, и в силу разнообразности сюжетов – говорить как о судьбе, получилась действительно интересной. Поскольку я уже довольно давно увлекся литературным творчеством, многие из жизненных сюжетов превращены в рассказы и мемуары, часть из них опубликована, что-то я продолжаю дополнять... Для многих настоящих писателей собственная жизнь становилась бесконечным источником вдохновения. Я писатель, наверное, еще «ненастоящий», но рассказывать о своей жизни люблю. Кое-что из этого мы публикуем в текущем номере под заголовком «Случайные встречи». Но интервью для нашего альманаха я не хотел бы посвящать рассказам о себе и своей семье. Для этого мы найдем другое место. Наш альманах общественно-политический, поэтому предлагаю говорить о стране, о политике, об обществе. А обо мне – в минимальной степени. Итак, о том, что меня сейчас волнует: сегодняшняя политика, отношение к прошлому, образ будущего... Вот с чего-то близкого к этим темам давайте и начнем.

— Сергей Николаевич, тогда давайте сразу быка за рога. Вопрос, который сегодня является, пожалуй, главным политическим маркером: вы «за Путина» или «против Путина»?

— Вот уж, действительно, вопрос в лоб, без обиняков. Путин не объект «фанатирования», как говорили во времена моей юности, он не футбольная команда и не оперный тенор, а политический руководитель государства. В тех вопросах, в которых Путин «за меня», — мы с ним солидарны, и я — «за Путина». В тех, где наши взгляды расходятся, я — против. Важен и еще один аспект, во многом — эмоциональный. Глядя на тех, кто активно «против Путина», я просто не могу быть «тоже против». Те, которые сейчас неустанно, используя СМИ, Интернет и даже частные разговоры, Путина ругают, поносят, говоря интернет-жаргоном — «троллят», требуют его ухода, устранения и т.д., — все эти люди мне настолько антипатичны, что я просто не могу выглядеть хоть как-то с ними солидарным. Я знаю эту полуинтеллигентскую

Я одобряю и поддержку памяти о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, и сохранение музыки гимна СССР в качестве гимна России. Поддерживаю усилия по восстановлению и развитию ВПК, армии и флота.

шоблу очень хорошо и не просто слежу за ней многие десятилетия, а живу в ней — как живут в экологически загрязненной среде. И если раньше я говорил и писал о расколе общества по идейным и этическим основаниям, то сейчас, не отрицая наличия раскола, я говорю о необходимости проведения санитарно-гигиенических социальных мероприятий. Из сообществ людей, чьи политические взгляды мне не близки, но с которыми я хотел бы продолжать дискутировать, внимательно относиться к их точкам зрения, стараясь понять фундаментальные основания мировоззрения, выделились некие агрессивные элементы, фракции. Их уже много, а производимые ими действия разрушительны для России, нужно вовремя принимать защитительные меры. А Путин стал тем индикатором, по отношению к которому их можно выявлять.

Так что там, где вся эта шпана с лозунгами типа «ПТН ПНХ», — я «за Путина» и готов к активным действиям.

— Хорошо, а тогда можно уточнить: в чем вы с Путиным совпадаете, а в чем у вас с ним имеются противоречия?

— Можно, но необходимы уточнения, касающиеся смысла слов, которые я буду употреблять. Часто говорят: «Политика — это искусство возможного». Метафора хороша, только рабочей формулой она быть не может: неизвестно — что возможно, а что нет. Любого политика мы оцениваем, исходя из весьма приблизительных знаний о его реальных возможностях, часто даже о них не задумываемся. Другое, что следует осознавать: мы никогда не должны оценивать деятельность политиков по какой-нибудь абсолютной шкале, потому что ее не существует. В прыжках в длину или

высоту такая шкала есть, а в политике — нет. Мы чаще всего сравниваем политиков с их предшественниками или современниками из числа соперников-претендентов. Исходя из этого, Путин — не просто большая удача для страны, а он стал реальным фактором ее спасения от гибели, к которой ее приговорил и привел Ельцин со всей своей пестрой командой. Правда, он же — Ельцин — воткнул на краю пропасти колышек по имени Путин, за который оказалось возможным уцепиться, и это, конечно, одинокий, но белый шар на весах его судьбы. Так что по сравнению с политиком-предшественником Путин соотносится как добро со злом. Если же говорить о претендентах, то Путина и сравнивать не с кем. Я имею в виду не фантазии о несуществующих героях, а конкретный список претендентов на выборах 2012 года: Жириновский, Зюганов, Миронов, Прохоров. Трое из них доказали свою политическую ограниченность и слабость, присутствия в политике на протяжении десятилетий, Прохоров же смог убедить всех в своей политической несостоятельности с первой попытки. Так что Путин — это не просто данность, а данность позитивная. Теперь о совпадениях и несовпадениях, но сперва еще одно уточнение. Говоря здесь о Путине, я имею в виду, что он несет ответственность за всю полноту внутренней и внешней политики, за все поставленные и непоставленные цели, за все решенные и нерешенные задачи. То есть я не стану отделять деятельность президента от деятельности правительства и прочих институтов государственной власти. Я одобряю и поддержку памяти о великом подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, и сохранение музыки гимна СССР в

качестве гимна России. Поддерживаю усилия по восстановлению и развитию ВПК, армии и флота. Поддерживаю попытки сохранения направленности на строительство социального государства. Поддерживаю внешнеполитические действия, направленные на отстаивание права России на суверенитет. Я обозначил некие важные частности и некие общие направления. Разумеется, можно произвести разбор конкретных действий Путина на протяжении всего периода его правления и составить более полный перечень конкретных дел, оцениваемых мною положительно. Но важнее, продуктивнее поговорить о том, что делается не так. Перечень того, что я не одобряю или против чего выступаю резко против, гораздо больше. Прежде всего я не одобряю размытости, аморфности идеологии Путина. Разумеется, идеология необязательно формулируется в виде учения и необязательно называется словом «идеология». Она может присутствовать в неявной форме, но влиять при этом непосредственно и сильно. Те, кто сейчас подстрекает часть народа к активным выступлениям «против Путина», действуют, исходя именно из ощущения неприемлемости для них его неназванной, не сформулированной идеологии. Они ее воспринимают как «слишком патриотическую», «слишком государственническую», «слишком суверенную», они опасаются за собственное благополучие, определяемое их встроенностью в систему власти в России и обусловленными этим финансовыми потоками, а также в систему потребления на Западе. Но Путин всё еще парит над идеологической схваткой, не обостряет свою позицию, не облекает ее в конкретные формы. В этом есть тактическое преимущество, но есть и недо-

статок, который растет и может стать губительным. Противники Путина и без дополнительных формулировок являются противниками, а вот сторонникам, особенно массовым, бывают нужны ясные сигналы, ясные цели и критерии, четкое размежевание с противниками. Наиболее — даже не драматично, а нелепо — выглядит отсутствие идеологии у «главной партии» — «Единой России». Члены этой партии, пребывающие в Думе, являют собой невообразимую мешанину противоречивых взглядов, судеб, жизненных установок и конкретных дел. Партия, несомненно, политически мертва, и если в ближайший год ее не оживить, то к выборам приволокут политический труп. Но повторю: Путин отвечает не только за партию, создателем которой он был, а за весь политический ландшафт в стране.

— Так, вот вы сами и подвели разговор к следующему вопросу, который хотелось бы обсудить. Как вы оцениваете именно политический ландшафт в стране? За что на этом ландшафте цепляется взгляд? И опять-таки — какое отношение, какие эмоции вызывают у вас субъекты такого ландшафта, то есть то, за что взгляд все-таки уцепился?

— Для большей точности образа назову этот политический ландшафт политической нивой, лишенной плодородия. На ней давно уже ничего не произрастает. Политическую жизнь, ее содержание, ее проблематику, структурирование общества — всё это должны определять политические партии. Они должны быть источниками смыслов, целей, дискуссий. Но они просто отсутствуют в политической жизни общества. Из жизни общества они переместились в Думу и там спят. Свои цели и задачи они видят в одном: снова попасть в Думу — и снова заснуть

на годы, просыпаясь на смешные репризы Жириновского и филиппики Зюганова. А политическую жизнь в стране всё это время определяли и будут определять непонятно кто: журналисты, телевизор, Интернет и прочие СМИ. У них у всех, вероятно, есть свои кукловоды. Но такой уровень непрозрачности, непубличности превращает политическую жизнь в таинство, в магический черный ящик. На него невозможно воздействовать, он непредсказуем. Это, конечно, совершенно неприемлемо для развития страны, но очень хорошо для гадалок, политологов и мошенников.

— Похоже, политический ландшафт уже практически полностью совпадает с информационным пространством. Ведь сегодня все сколько-либо значимые политические субъекты обладают во многом медийной природой.

— Информационное пространство, определяемое СМИ, — важнейшая часть политики. Люди думают о том, о чем им «подказали» СМИ. Например, вбрасывается через «Яндекс» строка: «Представитель Макаревича опроверг слухи о его смерти». До этой минуты и слухов-то никаких не было, но теперь вот этот бред будут перепечатывать все остальные. Но «певцы и певички» — это так, про морально-бытовое разложение. Хуже, что точно так же формируется и самое главное — смысловое — пространство. То, что и пространство смыслов отдано на откуп «рыночной стихии» — а СМИ это рынок, — не просто опасная, а смертельно опасная тенденция. Идеи, смыслы и идеологии формируются совсем не так.

— А как? Вообще что собой представляет кухня смыслотворчества?

— Социально-политические идеи порождаются мечтами, представлениями о должном,

Политическую жизнь, ее содержание, ее проблематику, структурирование общества — всё это должны определять политические партии. Они должны быть источниками смыслов, целей, дискуссий. Но они просто отсутствуют в политической жизни общества. Из жизни общества они переместились в Думу и там спят.

образами идеального общественного устройства. Мечты и образы в процессе своего зарождения и появления на свет всегда субъективны. Только когда их воспринимает достаточно большое сообщество людей, они становятся объективными факторами социальной жизни. Мечта о «правильном», «идеальном» обществе рождается у индивида как отклик на несовершенство его собственной жизни, как модель, позволяющая достигнуть в мечтах не достигаемого в реальной жизни. Общество предлагает человеку существующие, некогда существовавшие и еще не существующие в реальности образы и примеры надлежащих целей, правильного поведения. Человек определяет для себя — в качестве мечты или практической цели — некие состояния: себя в обществе и самого общества. При этом основным алгоритмом большинства является метод аналогий: стать таким — как некто, оказаться в таком обществе — как такое-

то. То есть генезис становления идеологии таков. От мечты — к образу, выраженному в этических категориях. От образа — к идее, выраженной в социально-философских категориях. От идеи — к идеологии, выраженной в политических категориях. Всей этой деятельностью — по зарождению и вынашиванию смыслов, по превращению их в идеологии — должны заниматься политические партии, их интеллектуальные центры. Проблема даже не в том, что у наших партий отсутствует интеллектуальный процесс работы со смыслами. Само рождение партий имело и имеет противоестественный характер. Они рождаются неполноценными, у них отсутствует идеологический орган.

— Интересная аналогия. И как выглядит эта некая типовая схема появления на свет очередной партии? А как это должно быть в идеале?

— В последние два десятилетия политические партии в России возникают не в связи с при-

В предстоящем и, пожалуй, даже уже начавшемся электоральном цикле следует исходить из того, что распорядитель не откажется от своего фильтра и от своей формовочной машины. Пока неясно – можно ли надеяться на некоторое усиление разнообразия репертуара мультиплекса, на то, что удастся порадовать электорат новыми именами.

влекательностью той или иной идеи или идеологии, а в связи с наличием суммы ресурсов – финансового, информационного и административного. Сперва – ресурс, потом – нечто вроде идеологии, а на самом деле – просто электоральные слоганы. Разумеется, носители идеологий без собственного ресурса существуют и блуждают в политическом пространстве России. Но решение: обеспечить странствующего политика ресурсом или нет – всегда за держателем суммы ресурсов. Им может быть представитель финансово-политического клана или некий распорядитель (человек или институт), назна-

ченный высшей политической властью страны. Финансово-политический клан – а это всегда экономически обусловленный клан – пытается осмыслить и воплотить в жизнь наиболее привлекательную для клана модель политического и экономического устройства, обеспечить наиболее выгодные взаимоотношения России с внешним миром, каковые в этом смысле рассматриваются прежде всего как бизнес-среда. Распорядитель «от государства» пытается выстроить сбалансированную политическую динамическую машину, призванную обеспечить продление устойчивого властвования назначившей

его власти. Он стремится выявить «общественно-политические настроения электората» и предоставить адекватный этим настроениям политический мультиплекс, корректируя «настроения» всеми имеющимися в его распоряжении средствами под запроектированную вместимость залов, она же – баланс парламентских фракций и внепарламентских группировок. Что касается олигархических кланов, то на практике им не удается самостоятельно успешно реализовать свои условно-политические цели. Более того: чаще всего они их не в состоянии осознать и сформулировать. Они всегда – во всяком случае, так было до сих пор – идут «на согласование» к распорядителю, а фактически производят только ресурсный взнос, который может быть впоследствии использован даже и не в их интересах, хотя они рассчитывают именно на это. Попытки создания «самостоятельных» политических партий осуществляются непрерывно, но ни одна из них не достигает сколько-нибудь устойчивого успеха: четырехзальный мультиплекс под названием «Государственная Дума» заполнен только сертифицированными участниками. Даже партии, выстроенные на значительной ресурсной базе какого-либо клана, не в состоянии не то что пройти в Государственную Думу, но хотя бы просто запомниться гражданам как нечто, мелькнувшее на политическом небосклоне. Из свежих впечатлений – «Гражданская платформа», из прежних – все причудливые метаморфозы со словом «правые», осуществившиеся «демократами с доперестроечным стажем».

– **Приближается очередной большой электоральный цикл 2016–2018 годов. Собственно, мы в него уже входим, подтверждением чему – перенос дум-**

ских выборов на три месяца раньше. Если говорить о первой фазе этого цикла — о думских выборах, — то стоит ли рассчитывать на какие-либо новшества или всё будет по-старому: в Думе окажутся всё те же самые знакомые нам партии, и мы снова будем наблюдать за примелькавшими лицами? А какая вообще партийная конфигурация была бы для современной России оптимальной?

— В предстоящем и, пожалуй, как вы верно заметили, даже уже начавшемся электоральном цикле следует исходить из того, что распорядитель не откажется от своего фильтра и от своей формовочной машины. Пока неясно — можно ли надеяться на некоторое усиление разнообразия репертуара мультиплекса, на то, что удастся порадовать электорат новыми именами, «сиять заставить заново величественнейшее слово — партия». Однако сделать это не только можно, но и нужно, причем не только без всякой угрозы устойчивости власти, а, напротив, ради придания ей бодрости и свежести. Необходима реконструкция политического пространства России, результатом которой должно стать появление спектра новых партий, отражающих старые, классические идеологии, — партий «новых либералов», «новых социалистов», «новых коммунистов». При этом оживление политической матрицы должно производиться ради одной-единственной цели — для реализации стратегии подлинного развития России. Но такая стратегия должна существовать. И родиться она — естественным способом — может как раз в результате диалектического взаимодействия разных идеологий и разных партий. Так что задача эта, как говорят физики, самоогласованная: в начале процесса еще нет всех необходимых структурных элементов,

но в ходе процесса они появляются. При этом важно не упускать из внимания и того, что мечта, становясь стратегической целью, должна принять во внимание все реалии внешней среды. В частности, весьма враждебное отношение к России и к любым целям ее развития со стороны самых сильных, самых влиятельных стран Запада. Успешная стратегия при этом не может полагаться только на силовую победу в результате вооруженного противостояния. Ее успех — в сложной модели поведения, включающей в том числе и неустанные стремления найти и на враждебном Западе договороспособные силы. Причем искать их надо во всех существенных идеологических пространствах, а не только среди «идейно близких» — как это делалось в эпоху поддержки коммунистического и рабочего движений или в недавний период «строительства либерализма в России». Сложная политическая матрица России должна сложным же образом взаимодействовать с весьма многоцветным и противоречивым миром. Наша матрица должна состоять и из «либералов», и из «социалистов», и из «коммунистов». Все влиятельные и все реально существующие в умах и сердцах граждан идеи и идеологии должны быть представлены в виде активных политических партий и трудиться на благо России. Последнее — очень важно: на благо России! Есть два подхода, два взгляда на то, какие нужны партии и идеологии. Один восходит к известному тезису «разделяй и властвуй». Цель здесь одна: власть! Но я вспомнил бы еще одно правило: «Не паши на быке и осле вместе». Так что если вам надо вспахать поле, обеспечить развитие России, а не просто удерживать власть, вам нужно стремиться к тому, чтобы разные силы конкурировали,

спорили, соперничали — но лишь в одном: как наилучшим образом обеспечить развитие страны.

— Сергей Николаевич, но у нас ведь уже имеются и либералы, и фактически социал-демократы, и коммунисты. Вы считаете, что следует их апгрейдить или же создать новых — с чистого листа?

— Полагаю, что нужно полное, прежде всего содержательное обновление. Партии надо создавать заново. Взять, к примеру, так называемых либералов. Они являются самым зловонным гнилым зубом политического ландшафта России. Нет в стране чего-либо плохого, в чем они не были бы виноваты. То, что им удалось сконцентрировать всю мерзость российской политики, образовать и локализовать гнойный нарыв на политическом теле страны, — большая удача. Чтобы «отошел инфильтрат», в котором суеются грамположительные «надеждины» и грамтрицательные «чубайсы», инфекционные агенты типа «гозман» и прочие представители политической микрофлоры, делать уже ничего не надо, следует просто не мешать им совершить последние шаги. Шаги будут действительно последними и очистительными, если обществу, вернее, его активной части — электорату, — будет предложена партия «новых либералов».

— А вот о том, что это за зверь такой — «новые либералы», — давайте поподробнее. Просто об этом сейчас говорят все кому не лень, и поэтому представить себе некий идеальный образ «нового либерала» нелегко.

— Большинство российских либерал-демократов выпуска 90-х категорию «свободы» осознавали как «не мешайте мне делать что я хочу». И о долгой, сложной и насыщенной драматизмом истории формирования идеологии ли-

берализма — великой, надо сказать, идеологии — вовсе не задумывались. «Свобода лучше, чем несвобода», — и всё, достаточно. Для одних отправной точкой, антитезой для формирования этого ощущения были «партократы» и прочие формы жизни господствовавшей коммунистической идеологии, для других же в «этом сладком слове свобода» виделся прежде всего путь к личному богатству. Сами по себе эти стремления банальны, ничего необычного и даже разрушительного в них не было бы — если бы только общество выработало и утвердило всеми осознанно принятые нормы и механизмы личного обогащения и «жизни-как-хочу». Ко дню сегодняшнему от проповедовавших «не мешайте мне жить» остались горстки хипстеров, а вот стремящиеся к личному богатству стали «нашим всем»: они сформировали удобное для них правовое поле, они создали и обеспечили контроль над всем информационным пространством, они учредили аморфное пространство морали и ценностей... В общем, мы живем в стране, созданной людьми, пожелавшими личного обогащения в начале 90-х, достигшими его, пройдя через немыслимую грязь и преступления, и создавшими политический строй, обеспечивающий их относительную безопасность и более или менее гарантированную устойчивость существования. И построенное ими государство заточено под определенную цель: обогащение властной элиты. Созданное государство — как насос, который может из пруда воду выкачивать и выливать вовне. Но не может пруд ничем заполнить. Причем такова не только конструкция модели, но и ее фактическое идеологическое содержание. Сложность еще и в том, что никакой угрозы

сформировавшемуся сословию «богатых и властных» отсутствие адекватной их ценностям партии не несет. Их базис — вовсе не живая политическая жизнь, не идейная борьба, а финансовые потоки, активы, административный ресурс и клановый баланс взаимных угроз, позволяющий всё это не терять, а приумножать.

— Но в таком случае нужен ли вообще современной России фиговый листок такого либерализма? Может, без него обойдемся? А если нужен, то кому и зачем?

— Да, нужен. И не фиговый, равно как и не фиговый, а настоящий. Внешний мир неоднороден, и в нем сосуществуют разные центры силы. Не все, кто вскармливал «старых либералов», хотят иметь с ними дело на современном отрезке истории, да и иным зарубежным «центрам силы» нужны в России совершенно другие политические союзники: респектабельные, без пятен прошлого, сочетающие приверженность либеральным ценностям и интегрированию России в мировое сообщество с очевидными признаками российского патриотизма. С такими партнерами можно было бы иметь дело: они и в России смогут иметь электоральную поддержку, и с Западом найдут взаимопонимание. Финансово-политические группы, ориентированные на экспортную выручку, естественным образом должны стремиться к формированию в России партии «новых либералов»: именно такая ориентация позволит им наиболее эффективно вписываться в зарубежный политический и финансово-экономический контекст. Что надлежит сделать «новым либералам» для своего появления на свет и утверждения в качестве политической реалии? Им придется отречься от «старых ли-

бералов» как политических авантюристов, как безнравственных приватизаторов, как источника всех проблем современной России, как фальсификаторов идеологии либерализма — и так далее. Безжалостно и аргументированно следует разоблачить порочный и губительный не только для России, но и для всего мира путь, на который «старые либералы» загнали страну вопреки чаяниям народа и лучших представителей политической элиты и национально ориентированного бизнес-сообщества. Аутодафе уродцу «неолиберализма», исказившему подлинные идеалы высокого либерализма, естественной приверженности людей принципам свободы, равенства и института собственности, либерализма, составляющего основу современного здорового общества! Дальше. Необходимо отречься от какой-либо персонифицированной преемственности со «старыми либералами»: ни одного узнаваемого «либерального» лица, ни одной знакомой «либеральной» фамилии. «Новые либералы» должны быть новыми во всех имиджевых деталях. Следующий шаг — надо отмежеваться от фантомных болей ампутированных конечностей, удаленных органов и тревожных образов советского прошлого. Пусть «старые либералы» продолжают бороться с советским тоталитаризмом в своих «хельсинкских группах» и «мемориалах». «Новые либералы» должны прийти в этот мир, в новую Россию со стремлением к созиданию, а не ради сведения счетов с прошлым — что наиболее характерно для «старых либералов». «Новые либералы» — патриоты-прагматики, не позволяющие себе непродуманных лозунгов уличной банды типа «Путин, уходи!»: они сперва решат и предложат — кто именно вместо

Путина и почему. Россия для «новых либералов» — не источник наживы и не объект разграбления, для них Россия — самый мощный, самый комфортабельный, самый прекрасный собственный лайнер, на котором они будут двигаться вперед, к высоким целям и идеалам, дружелюбно взаимодействуя со всем миром, стремясь в ответ получать дружелюбные взгляды. Ну, в общем, как-то так...

— Хорошо, с либералами понятно, а нужны ли «новые коммунисты» и «новые социалисты»?

— Да, нужны и те и другие. Потому что и то и другое — великие идеологии. Думаю, основным базисом развития России должна стать партия социалистического типа. Если в этом плане посмотреть на перспективы, скажем, «Единой России» как численно самой большой... Да, грустные возникают мысли. С одной стороны, совершенно очевидно, что она должна стать социалистической партией по сути, по программным целям — даже необязательно по лексическим формам, в которые она облечет свою общественно-политическую визуализацию. Потому что это и только это — социалистическая идеология — обеспечит захватывающую, тотальную массовую поддержку партии без всяких манипуляций и подтасовок. С другой стороны, если вдруг лошадь начинает говорить с вами человеческим языком, это будет либо смешно, либо страшно. Ни тот ни другой эффект никак не подходит для крупнейшей парламентской партии, отыгравшей в театре уже все роли: от трагедии, до короля Лира. Трансформация же КПРФ в настоящих коммунистов, мне кажется, возможна. Но для этого нынешним надо для начала рискнуть провозгласить хотя бы стремление к построению коммунистического общества в России. Или

Мы живем в стране, созданной людьми, пожелавшими личного обогащения в начале 90-х, достигшими его, пройдя через немыслимую грязь и преступления, и создавшими политический строй, обеспечивающий их относительную безопасность и более или менее гарантированную устойчивость существования. И построенное ими государство заточено под определенную цель: обогащение властной элиты.

как-то объяснить отказ от этой цели. Надо бы разобраться в сложной проблеме множественности государственных форм, идеологически восходящих к коммунистической идее. Роль ЛДПР — давно исчерпана, ее обновлять не нужно. Роль Жириновского — не исчерпана, и он может продолжать ее с успехом и пользой исполнять без пажей и дворни. «Справедливая Россия» — по идее, должна бы стать главным базисом социал-демократии,

но она тратит силы не на идеологическую работу, а на сохранение поддерживающих ресурсов.

— Сергей Николаевич, я только было заострил внимание, когда вы заговорили о «Единой России», но вы быстро перешли к королю Лиру, а затем к коммунистам. Ведь совершенно ясно, что при всей значимости широкого и разного по содержанию диапазону политического спектра, отражающего и — самое главное — формирующе-

Аутодафе уродцу «неолиберализма», исказившему подлинные идеалы высокого либерализма, естественной приверженности людей принципам свободы, равенства и института собственности, либерализма, составляющего основу современного здорового общества!

го предпочтения и политическую субкультуру электората, ориентированного на разные его сегменты, всё это лишь фон — пусть необходимый, полезный, но тем не менее только фон — для того политического образования, которое мы в постсоветской России традиционно называем партией власти. Исключительная роль партии власти в Думе — это данность. Во всяком случае, на какую-то еще перспективу. Причем, не исключая, что на перспективу весьма продолжительную. Поэтому не могу не задать вам вопроса, который напрашивается сам собой: какая партия власти нужна России, какой должна быть ее оптимальная для нынешних условий модель?

— Сперва я поразмышлял бы на тему: что такое партия власти, нужна ли она вообще.

Ответ, исходящий из, так сказать, «чисто технологических факторов»: да, власти удобно иметь устойчивое большинство в Думе для прохождения нужных законов без лишних проволочек. То есть, если рассматривать Думу как орган, только вводящий законы в действие, реализующий ритуальную демократию, — такая партия нужна. Законы разрабатываются «где-то» — в экспертно-аналитических органах при правительстве и в иных местах, на этапах обсуждения они доводятся до некоего консенсусного состояния, а потом проходят через ритуал голосования в Думе. Имитация обсуждения там тоже имеет характер ритуала. Ритуальная демократия — вполне работоспособный инструмент, дающий, возмож-

но, не больше ошибок, чем иные формы демократии, а КПД такого института весьма высок. Надо лишь признать ее именно такой и улучшать ее как ритуальную, а не как законотворческий орган. Тогда к составу Думы следует предъявлять иные требования, туда должны входить авторитетные люди, обладающие безупречной биографией и нравственными принципами. Нечто вроде совета старейшин. Однако существующая Дума замышлялась и конструировалась как многоглавое чудовище с неопределенным числом опций. Она законы не только принимает, но и якобы разрабатывает. На самом деле разрабатывают их вовсе не те 450 человек, которые будут голосовать, а многочисленные привлеченные институты, эксперты, юристы, специалисты. Так и должно быть: законы должны рождаться исходя из знания реалий, а законодательные принципы — из идеологического и этического базисов. И здесь-то и должна проявиться связь между этими самыми базисами, ставшими причиной появления политических партий, и их думскими фракциями. Но если партии не обнаруживают, не манифестируют и даже не рождены из приверженности какой-то идеологии, то у них не может существовать и контрольного фильтра, тестирующего законы с точки зрения их этики и идеологии. Получается полный постмодернистский винегрет из этики, ставшей аноимией, и квазиидеологий, которые лишены идентификационных свойств. Это идеальная среда для коррупции и лоббирования, легко принимающих форму «обсуждения в трех чтениях». Любой может апеллировать к любым принципам, оправдывать любые результаты и призывать к любым целям. А если учесть, что у Думы имеется и контрольная функ-

ция — депутатские запросы, например, — то возможности попытаться повлиять на что угодно, в том числе и бескорыстно, возрастают. Наконец, у Думы есть еще одна опция: отражать и выражать народные чаяния, быть клапаном выпуска перегретого пара народного гнева и народных восторгов, быть площадкой для церемонии награждения победителей в главном политическом шоу пятилетки под названием «выборы». Это, конечно, важнейший общественный процесс, позволяющий подменить выбор гражданами собственной судьбы и судьбы страны выборами симпатичных им персон и проносимых этими персонами лозунгов. В общем, существующая Дума как функционал в системе государственной власти не соответствует современным требованиям развития государства. Ее функции-опции и принципы формирования должны быть пересмотрены исходя не из примитивного стремления к подражанию за границей, каковое было и пока остается единственным двигателем нашего креативного сообщества, а исходя из попытки осознать и выстроить стратегию развития России, основанную на всестороннем учете ее особенностей и возможностей. А вот для того, чтобы такой поворот можно было совершить без восстаний и революций, следует попытаться создать новый инструмент со старым названием — «новая партия власти».

— **Вот-вот, именно это я и имел в виду, что это такое — «новая партия власти»?**

— Давайте поразмышляем, что можно ожидать в предстоящем электоральном цикле. Можно ожидать мышиную возню партий с якобы разными политическими платформами, пытающихся попасть в Думу, используя высочайший

рейтинг Путина. Путина будут поддерживать со всех сторон: «слева», «справа», «сверху» и «снизу» — откуда угодно, но при этом станут пытаться хоть как-то прищучить соперников. Все захотят въехать в Думу на 89-процентном рейтинге президента. Особняком будут стоять «оппозиционеры», пытающиеся собрать голоса тех, кто «против Путина». Если на этом фланге появится человек, не вызывающий отвращения у своих же сторонников, успех — то есть преодоление необходимого барьера — возможен. Пока такой фигуры нет, а фамилия «Касьянов» звучит как аккорды шопеновской сонаты номер два, более известной как «Похоронный марш». Создание, формирование «новой партии власти» становится в сложившихся условиях важнейшей задачей не только для самой власти, но и для судьбы страны. Отличием «новой партии власти» должно быть наличие стратегической формулы цели, к которой должна двигаться страна. Если эта цель, вернее — образ цели, образ будущего, — будет отвечать ожиданиям большинства, партия станет идеальным сочетанием выразителя народных чаяний и задач управления. И сделать это можно. Исходных данных, отражающих настроения и ожидания, вполне достаточно, чтобы создать адекватный, вдохновляющий образ. Обеспечить непротиворечивое сочетание этого образа с прагматическими целями элиты — задача не более чем интеллектуальная. Решить ее можно. Нужно только опираться на людей, способных решать такие задачи. Они есть, а вот разговор о том, где их взять — выходит за рамки интервью...

— **Сергей Николаевич, сегодня никакой мало-мальски серьезный разговор невозможен без темы Украины...**

— Начать надо издалека. С вопроса о возникновении независимых государств из бывших союзных республик, который в массовом сознании превращен в пропагандистскую мешанину, не соответствующую никакой реальности. На самом деле все антироссийские режимы в союзных республиках созданы Москвой — ЦК КПСС и КГБ. Именно там формировались, выковыривались из всех щелей будущие националисты, которым была обеспечена поддержка всех видов. Преимущественно они комплектовались из первых секретарей ЦК КПСС союзных республик, из союзных нардепов. Именно эти кадры возглавили независимые государства, они же формировали базовый концепт политики своих стран: русофобия, слегка загримированная под антисоветизм. Потому что Москва хотела не только разрушить СССР, но и обеспечить превращение России в «нормальную» по тогдашней терминологии страну или конгломерат стран, чья элита сыта, богата, вписана в западное общество потребления, а народ переведен в состояние примитивных работников, ведомых простыми инстинктами. Так что когда говорят, что ситуация на Украине есть результат неверной политики России по отношению к Украине, что это провал внешнеполитического ведомства, то это верно лишь отчасти. Первое десятилетие после развала Союза все эти режимы — и украинский в том числе — поддерживались и курировались Москвой. Москва же обеспечивала всем новоявленным национальным лидерам не только свою поддержку, но и легитимацию на Западе. Запад активно подключился к переформатированию всего пространства разрушенного СССР, и первые годы это шло в согласии с российским пра-

вительством. И если бы все так и шло, если бы Россия превращалась в полноформатную сырьевую колонию без признаков возможного возрождения, ни Украину, ни остальные республики не надо было бы превращать в таранные военно-политические структуры, нацеленные на создание вокруг непокоренной России пояса ненависти и напряжения: Россия, как наркоман, сама себя разрушила бы. Но когда в России произошел перелом, когда стало заметно то, что называют «вставанием с колен», и вслед за риторикой стала меняться политика, Запад стал принимать меры по дальнейшему реформированию пространства, по формированию агрессивных по отношению к России обществ и государств. Разумеется, ошибкой и виной российской власти является непростительная пассивность в отношениях, в частности, с Украиной. «Вставшая с колен» российская власть была обязана действовать на Украине максимально эффективно, стремясь сделать из нее друга и партнера, противопоставляя пропаганде — контрпропаганду. Россия могла это сделать, стартовые условия были благоприятными, народы до сих пор в массе своей ощущают друг друга как близкие, братские, а прошлое — общим. Но политическая, идеологическая парадигма, доминирующая в сознании нашей властной элиты, не допускает формирования дружеских отношений на базе позитивного прошлого. Прошлое, советское прошлое должно быть выкрашено черным цветом. Эта болезнетворная политическая слабость разлита не только в головах элиты, но и в значительной части общественного сознания. Позитивный фундамент совместных успехов, общей радости побед и достижений вырван из

общественного сознания народов СССР. А без него очень легко сформировать большие массы населения, параноидально заикленные на ненависти к России. Что и было сделано. Буквально в последний с исторической точки зрения момент Россия успела частично выровнять военно-политический паритет, перешедший в смертельно опасный дисбаланс: Крым возвращен в Россию, конфигурация потенциального ТВД изменилась. Тем самым Рубикон был перейден. Мы и обобщенный «Запад» перешли в состояние «кто кого». Военно-политическая ситуация, на мгновение улучшившись после присоединения Крыма, снова резко усложнилась после событий в Луганске и Донецке. Если «операция Крым» была продумана, подготовлена и проведена высокопрофессионально, то всплеск активности в Луганской и Донецкой областях таким не был. Всё там произошедшее существенно осложнило и без того крайне неустойчивый баланс во взаимоотношениях России и Запада, который в действительности не целостная сущность, а рываемая противоречиями многополярность. Но ситуация осложнена не только многополярностью Запада, но и обстоятельством, которое обозначают присказкой «у Кремля много башен». И у каждой «башни» свои цели и свое видение ситуации. А система принятия стратегически важных решений настолько непрозрачна, что обсуждать ее на рациональном уровне нет никакого смысла. События на Донбассе выглядят — или их хотят такими представить — то как «народный гнев против киевской хунты», то как провокация «неясно каких сил». России же приписывают положение, о котором шахматным языком говорят так: нет хорошей игры. Но политика на-

много сложнее шахмат: и игровых не два, а больше, и доска не двумерна, а четырехмерна... В этой — более сложной, но и более адекватной происходящему — модели у России есть «своя игра» и своя победительная стратегия. Вспоминая весну-лето прошлого года, когда шли прямые военные действия в разных узловых зонах Донецкой и Луганской областей, можно, конечно, высказывать сожаления по поводу нереализованных военно-силовых возможностей и обвинять в этом Кремль, его «башни» или причитать «путинвсёслил». Но это не более чем эмоции, потому что достаточной информации для полноценной аналитики, которая ответила бы на вопрос и о реальных материально-организационных возможностях, и о приводных ремнях ключевых процессов, равно как и о спектре целей — нет. Сегодня видимая часть ситуации изменилась. Вероятно, изменилась и непубличная расстановка сил и приоритетов. На этом этапе элементы «правильной игры» для России, по моему мнению, в следующем: никаких прямых действий силового характера, направленных на покорение Украины и освобождение территорий, производить не надо. Но и отдавать Донецкую и Луганскую республики хунте — тоже не надо. Нужна вязкая борьба удава, работа на удержание и постоянное подавливание. Мудрость и терпение, медленное развитие каждого микроскопического преимущества, настойчивая нейтрализация всех собственных слабостей. Надо постепенно превращать «народный гнев неясно каких сил» в нечто, имеющее хотя бы самые общие признаки политических целей и задач, структурировать возникший хаос, на ходу конструируя и строя то, что должно стать похожим на народную

армию и государство, а ведущая ими борьба — на народно-освободительную. И при этом действовать, избегая собственного военного присутствия де-юре, которое могло бы быть оценено международными институтами как оккупация или аннексия. Глобальная ситуация «кто кого», главным сюжетом которой является стремление США Россию уничтожить всеми средствами, наиболее острым из которых сегодня является озлобленно-остервенелый украинский таран, будет только обостряться — до тех пор, пока кто-то из борющихся не рухнет: от собственной слабости, от внутренних противоречий или под действием внешних сил, каковые действуют даже на стороннего наблюдателя. И стратегическая цель России теперь не может быть сведена к контролю над каким-то количеством областей Украины. Придется снова формировать мощный защитный пояс из лояльных и максимально зависимых государств. Противники же — прежде всего это США — сами по себе от своих целей не откажутся и сами по себе не ослабнут. Следует действовать вместе с союзниками, в том числе и временными, используя их силу, учитывая их интересы и цели, стараясь во взаимодействии с сильным не потерять, а приобрести. Поэтому, говоря и думая об Украине, надо говорить и думать не только об Америке и Европе, но и о Китае и Азии. Надо поддерживать интересы Китая в нашем западном направлении, стараясь использовать его силу, но при этом не потерять и самим. При всей важности этой военно-дипломатической деятельности главным для России я бы считал поиск ответа на вопрос: как Америка и Европа смогли принудить одних русских убивать других русских? Ответ ле-

Александр Морозов. Сельская бесплатная школа. 1865 год

Сердцем России является образование, направленное на воспитание. Если образование не нацелено на воспитание человека и гражданина, жизнь из России уйдет, вытечет по капле.

жит в осознании порочности доминирующей идеологии, которой живет Россия последние 25 лет. Пока она доминирует — Россия идет к гибели, в том числе и в форме взаимного истребления. Вот мой общий, быть может — метафоричный, взгляд на события вокруг Украины... Он не совпадает ни с мнением истероидно-либеральной «интеллигенции», захлебывающейся в конвульсиях «прости нас, Украина» и трижды в день объявляющей о личном решении «пора сваливать», ни с мнением патриотической интернет-кавалерии, требующей немедленных военных побед, предрекающих эсхатологические последствия для России, если сегодня же не будет взят Донбасс, а лучше — Киев.

— Похоже, Сергей Николаевич, все основные политические темы мы исчерпали. Давайте теперь перейдем к экономике.

— Самый популярный лозунг «патриотического крыла»: уберите экономический блок правительства! Далее следуют фамилии: Шувалов, Дворкович, Набиуллина, Улюкаев и так

далее. Ни за одного из них я не заступлюсь и еще добавлю многих, но не считаю этот лозунг ни правильным, ни своевременным. Своевременный и правильный лозунг должен содержать целеуказания в области политики и экономики, должен опираться на технологические карты достижения поставленных целей. А вот когда «цели ясны», когда ресурсы просчитаны, что и как делать — известно, тогда можно подбирать исполнителей на все те должности, которые сейчас занимают названные деятели. Не они определяют экономическую политику, а президент страны. И в этой политике я с ним не согласен. По всей видимости, и он не согласится с моими предложениями, буди они ему высказаны. Я так предполагаю, потому что есть позиции авторитетных экономистов, которые мне близки и чьи голоса доносятся до президента. Я не буду в рамках интервью пытаться даже кратко излагать пункты необходимой стране экономической политики — мы в альманахе этим занимаемся из номера в номер

и будем заниматься впредь. Отмечу лишь, что ни за рекомендациями «альтернативных экономистов», ни за нашими выступлениями пока не следует никаких изменений. Стало быть, либо Путин «с нами» не согласен, либо мы пребываем в иллюзии в отношении его возможности поступать так, как он думает и считает нужным. Так что экономика — вопрос острый, важный, но не он один является критически слабым местом.

— **А что, на ваш взгляд, является такой зоной основного риска?**

— Самым опасным, трагическим, труднее всего восстанавливаемым я считаю всё происходящее в области образования. И снова не стану трепать фамилии Фурсенко и Ливанова. Они реализуют ту политику, какую им приказано реализовывать. А политика эта — ошибочна. Причем не столько в той жуткой конкретике деградации всех ступеней образовательной системы, не столько в утрате критериев, кадров, институтов — хотя что же может быть ужаснее названного? Ужаснее, трагичнее названного является смена смысла, цели образовательного процесса как такового. Произошло это сразу, в первые дни разрушения государства, поскольку те, кто его уничтожал, очень точно знали и знают, где находится сердце у живой России. Сердцем России является образование, направленное на воспитание. Если образование не нацелено на воспитание человека и гражданина, жизнь из России уйдет, вытечет по капле. Не хочется перечислять сейчас все орудия пыток и казни образования, примененные в России за последние 25 лет: «болонская система», «ЕГЭ», «ювенальная юстиция», «реформы вузов», «критерии эффективности» и прочая, и прочая... Перефразирую Достоевского: всё дозволено, если об-

разование не должно воспитать человека и гражданина — нравственного, культурного, знающего и умеющего. Образование и культура должны быть единым комплексом, сложным образом согласованным пространством, в котором человек растет, развивается, формируется как личность, способная к творчеству и к восприятию творчества, обладающая культурными потребностями.

— **Сергей Николаевич, образование — это наша общая боль, и если в той области, которую мы обычно называем политикой или практической политикой, власть предпринимает правильные и продуманные действия, то в образовании всё не просто глухо, но становится лишь хуже и хуже. Ну, это отдельный разговор. А я еще хотел спросить вас вот о чем. Говоря о политике, вы четко и систематически изложили свое кредо, объяснили, в чем вы согласны с властью, а в чем — нет. Но политикой невозможно заниматься исключительно рационально. Очень многое начинаешь понимать гораздо точнее и тоньше, когда для анализа того, что происходит, включаешь, например, такое чувство, как вкус. Вкус в политике — это очень важный инструмент для восприятия — на каком-то иррациональном уровне — текущего момента. Поэтому хочу поинтересоваться у вас, насколько вы доверяете своему политическому вкусу? Кто вам нравится — а кто, напротив, откровенно не нравится? Как вы понимаете, я имею в виду как раз именно интуитивные симпатии и антипатии.**

— Спасибо за тонкое, неочевидное наблюдение: наличие вкусового отношения к политике. Именно вкусового, а не «близок» или «неблизок» по своим взглядам. Причем это не то же самое, что харизматичность, например, или артистичность — качества, которые

в политике, особенно публичной, ценятся высоко. Харизматик влияет на всех или почти на всех. Но при этом остается место и такому тонкому флюиду, как «а на мой вкус...» «Он мне нравится» — если выйти за пределы эротизмов всех направлений — означает близость к образу идеального и одновременно должного. То есть вот на этом месте идеальным был бы именно такой. «Такой» — это сложная сумма внешности, пластики, манеры речи, происхождения, этничности... Политтехнологи стараются учитывать, прогнозировать фактор симпатии-антипатии. Но чаще всего их приглашают «продвинуть» не наиболее приемлемое из многих лицо, а конкретного человека, который и является заказчиком. Тогда приходится его как-то «благораживать», легендировать его личность, приукрашивать плакатную внешность... Но и у этих технологий есть свои пределы и ограничения. Электоральные технологии во многом строятся на театральном законе. Выборы — это грандиозное мистериальное шоу. Точное соответствие облика роли и образу имеет значение зачастую более важное, чем глубинные смыслы предлагаемой идеологии. Ведь все говорят примерно одно и то же, но одному — «верят», другому — нет. Один — «нравится», другой — почти что противен. И вот эта самая «противность» может обрушить в глазах простого избирателя любые распрекрасные идеологии. Обсуждать публично внешность человека — в большинстве случаев просто неприлично. Но есть исключения. Обсуждать соответствие или несоответствие внешности актера образу, исполняемой роли — вполне допустимо, принято и широко распространено. Восхищение выбором режиссера артиста Владимира Толоконникова на роль

Шарикова в «Собачьем сердце» уместно, хотя вряд ли это лицо доставляло его владельцу в жизни одну только радость. Обсуждение публично-политика с точки зрения его внешности не столь принято, но, я считаю, не только допустимо, но и оправданно. «Простой народ» и в частных разговорах, и в публичном пространстве социальных сетей делает это, не ощущая никаких ограничений. Известных политиков и государственных деятелей часто обозначают как «рожа», «харя», «мурло» и так далее. Вынося за рамки вопрос о вежливости и хамстве, отмечу, что политические аналитики и политтехнологи должны с холодным сердцем исследовать и принимать во внимание этот аспект. Но есть проблема и посложнее: если говорить о вкусах не по отношению к человеку, политику, а к политической системе, к идеологии. Здесь ведь тоже далеко не всё решается на уровне рацио. Тут очень много эмоционального. Нарочито упрощенно говоря, если ничего не знать об истории фашизма в XX и XXI веках, а прочитав изложение основных принципов, то на рациональном уровне может не возникнуть сильного отторжения. Так, некие замечания, уточнения — а в целом, «нормальная» программа. А вот практика применения, реализации неких принципов может дополнить их весьма негативным содержанием и вызвать соответствующие эмоции. Если я сейчас загляну «себе в сердце» (после омерзительного избирательного шабаша 1996 года «голосуй сердцем» стало трудно апеллировать к этому инструменту, но тем не менее...) и без гнева и пристрастия посмотрю на наших политических лидеров, то ни один из них не вызовет у меня чувства «нравится». Все больше или меньше «порченные».

Большой театр, Консерватория, Зал Чайковского, Театр Станиславского и Немировича-Данченко – вот основные площадки моих интересов. То есть мои пристрастия – музыка и музыкальный, оперный театр.

Лидер — это не тот, у кого больше всех власти. Лидер — это тот, кто владеет умами и сердцами, видит будущее, описывает его и зовет за собой. Такого у нас нет.

— **Сергей Николаевич, так как интервью юбилейное, то позволю себе не только допустимый, но даже принятый в подобных случаях вопрос из разряда, так сказать, неполиткорректных. Вы кому-нибудь завидуете? Присуще ли вам сопоставлять собственные успехи с успехами других?**

— Сейчас-то я, несомненно, свободен от зависти. Как и почему — постараюсь ответить, но сперва попытаюсь вспомнить свою молодость. Был ли я всегда лишен зависти? Наверное, нет, но что-то конкретное вспоминается с трудом. Ну, наверное, я мог завидовать юноше, которого мне предпочла симпатичная мне девушка. Но это, вообще говоря, не зависть, а ревность. Чувства близкие, но не одно и то же. Могу вспомнить немало случаев, когда кто-то доби-

вался больших, чем я, успехов при объективно равных стартовых возможностях. Но каждый такой случай мне понятен в мельчайших деталях: где-то я не проявил нужных качеств, где-то сработали связи, которых у меня не было, где-то помог или помешал случай... И никакой зависти — когда всё понимаешь — не бывает. Как только понял природу и алгоритм возникновения чувства, эмоции — они уже не властны над тобой. Ты над ними властен. В этом состоит основа той методики управления миром эмоций, которую я излагаю в книге «Искусство жить». Надо научиться задавать самому себе правильные вопросы — вот и всё. Есть и другой аспект проблемы. Я в основном определился в пространстве ценностей, хотя по-прежнему воспринимаю этот процесс как динамичный. Я почти никогда не хочу чего-то, чего у меня нет. Если же подобное желание возникает, то оно либо становится конкретной целью, задачей, которую я спокойно ре-

Массовый восторг вызвало выступление француза Люки Дебарга (на фото), а присуждение ему «всего лишь» четвертой премии – всплеск недовольства. Меня Дебарг тоже потряс своим выступлением во втором туре – фа-минорная соната Метнера и «Скарбо» Равеля.

шаю, либо отвергается. Я уже очень многое попробовал, много видел и познал. Я не жажду карьеры в системе власти, не стремлюсь к богатству. Могу, однако, спокойно принять и то и другое. Или же отвергнуть и то и другое, хорошо зная, чем за это придется расплатиться в своей каждодневной жизни, в своем моральном выборе, в отношениях с друзьями. Я почти свободен от ненужной самоидентификации, которая так мучает очень многих. Я двигаюсь по направлению к состоянию отсутствия всякой идентификации: я — это я, «просто существо», я — это жизнь как таковая. Все ипостаси, все одежды, которые мы на себя надеваем: я — физик, я — писатель, я — начальник, я — патриот, я — либерал, я — москвич, я — турист и так далее, — это вещи реально существующие, и я не предлагаю ни себе, ни другим от них отказаться, сесть в позу лотоса под деревом бодхи и уйти в нирвану. Но я предлагаю самому себе и остальным не давать

этим ипостасям заслонять от личности ее единственную подлинную сущность, какая лишена всяческих идентификаций. Вплоть до отсутствия отделенности от всего остального мира.

— Вы живете очень интенсивной культурной жизнью: регулярно слушаете оперы, классическую музыку. Что это — дань моде, стремление соответствовать определенному имиджу или внутренняя потребность?

— Конечно, потребность. Причем потребность, которая с возрастом только усиливается. О, если бы мне кто-нибудь — скажем, министр культуры — выписал некий пропуск, позволяющий проходить в любой театр без билета... У меня был такой знакомый, старший товарищ, ныне уже покойный, который действительно ежедневно ходил в театры. Волшебного пропуска у него не было, билеты приходилось «доставать». Года примерно с 1946-го и до 2011-го — года своей смерти — он не пропустил ни одного спек-

такля, концерта. Был настоящим знатоком, эрудитом, особенно в области балета. Я бы, пожалуй, так — ходить каждый день — не смог: мне нужно «прийти в себя» после музыкальных впечатлений. Но ходил бы очень часто. Большой театр, Консерватория, Зал Чайковского, Театр Станиславского и Немировича-Данченко — вот основные площадки моих интересов. То есть мои пристрастия — музыка и музыкальный, оперный театр. Драматические театры вызывают у меня не интерес, а довольно сильное раздражение. Положение дел в драматических театрах я оцениваю как катастрофическую деградацию. Прежде всего — режиссуры. И проблема снова упирается в смыслы: зачем нужны театры, кино? Многие нынешние «деятели от культуры» считают, что кино и театры — такая же отрасль экономики, как любая другая, что и кино, и театры должны давать прибыль. А прибыль достигается массовостью, а массовость обеспечивается рекламой и, увы, пошлостью. Поэтому, например, некто «кот Матроскин» одной рукой отгребает из нашего с вами бюджета огромные деньги «на содержание», другой допускает на сцене матерщину, заявляя, что, мол, «не надо отворачиваться от реальной жизни». А ежедневный аншлаг выводит любой театр из зоны не то что критики, а просто здоровой аналитики. Есть, конечно, и хорошие театры, и хорошие режиссеры. Например — театр-студия Петра Фоменко. Но главное для меня, конечно, музыка.

— Но вы тем не менее буквально профессиональный театрал. Мне доводилось читать ваши рецензии только что прослушанных постановок, и они впечатляли отточенностью суждений, профессионализмом. Во всяком случае, театральная и

музыкальная критика — это, несомненно, близкая вам сфера.

— Да, по мере накопления впечатлений и просто долгого зрительского опыта возникает потребность высказаться. Раздражителями обычно выступают те спектакли, которые не понравились. Например, связанные с экспериментами в области оперной режиссуры, так называемая режопера. Прimitивная политизация любого — хоть и античного — сюжета стала неременным атрибутом: без прямого присутствия или явного намека на Сталина, Берию и ГУЛАГ нашим режиссерам обойтись бывает трудно. Непремено надо также раздеть догола как можно больше героинь и героев... И даже с этим можно было бы смириться, если бы всё было спето и сыграно на должном уровне. Но ведь и это — большая редкость.

— Какими последними впечатлениями от увиденного на сцене или услышанного с нее вы могли бы поделиться?

— Я всё ещё пребываю под впечатлением от последнего конкурса Чайковского. Я его смотрел не отрываясь от начала и до конца благодаря трансляциям в Интернете. В основном я слушал пианистов. И там было и чем насладиться, и от чего поволноваться, и чем возмутиться... Как, впрочем, и всегда на конкурсе Чайковского. Массовый восторг вызвало выступление француза Люки Дебарга, а присуждение ему «всего лишь» четвертой премии — всплеск недовольства. Меня Дебарг тоже потряс своим выступлением во втором туре — фа-минорная соната Метнера и «Скарбо» Равеля. Было ощущение гениальности исполнения. И осталось навсегда. Но у конкурса свои критерии. Если бы первая премия присуждалась за самую выразительную интерпретацию, прозвучавшую в ходе конкурса, то, конечно,

Дебарг претендовал бы на высшее место. Но для победы надо сыграть не один раз гениально, а все три тура хорошо... Так что я с решением жюри согласен. А победитель — Дмитрий Маслеев, — несомненно, выдающийся музыкант.

— А что побудило вас выпустить книгу — своего рода компendium музыкальной классики с выборкой фрагментов произведений «на цифре»?

— Я всю жизнь собирал грампластинки, их у меня — старых виниловых и даже еще шеллачных — свыше тысячи, а потом пошли компакт-диски, в последнее время — цифровые записи, хранящиеся в компьютере. Слушать музыку для меня — постоянная потребность. Когда я был совсем маленьким, в квартире постоянно звучала радиоточка. Теперь почти постоянно звучит радио «Орфей». И я уверен, что именно программы, передававшиеся «по радио», стали для меня той почвой, на которой впоследствии всё и выросло. Потом появились магнитофоны, но они использовались мною вовсе не для классической музыки, а для рок-музыки, для «Битлз» и всех остальных гениев жанра образца 60-х... Мысль о том, чтобы сделать подборку популярных произведений инструментальной классики, пришла в голову естественным образом, поскольку то музыкальное собрание, которое имелось и имеется у меня дома, в сущности, и есть такая подборка, только очень большая. Надо было сократить ее до «самых-самых». Так и родилась книга «Узнаваемая классика», в которой собраны и сами произведения, и краткие их описания.

— Сергей Николаевич, спасибо вам за беседу — хотя и организационно несколько странную, поскольку это интервью является фактически обычным

рабочим обменом мнениями внутри редакции, правда, по юбилейному поводу. И поэтому в моих заключительных словах — а классика жанра требует, чтобы они были сказаны именно берущим интервью, — я хотел бы вернуться к нашему предприятию — альманаху. Проект, безусловно, состоялся и занял свою нишу. И это, может быть, одно из самых значимых событий, которое прежде всего вы сами, а также мы все вместе — я имею в виду коллектив редакции — можем приурочить к вашей круглой дате. 13 номеров — это ценный опыт, благодаря которому ясно, куда и как двигаться дальше. Поэтому хочется пожелать вам и новых интересных номеров альманаха, и в то же время продолжения вашей неимоверной активности — интеллектуальной, писательской, политической, культурной — за пределами редакции, тем более что эта активность в конечном итоге помогает вам нащупывать актуальные и востребованные темы новых номеров, находить интересных и нетривиально мыслящих авторов, словом — продвигать проект «Развития и экономики».

— Снова, как и в самом начале нашего разговора, воспользуюсь правом главного редактора и все-таки оставлю последнее слово за собой — вопреки, как вы сказали, классике жанра. Конечно, спасибо вам за пожелания, но со своей стороны я должен сказать, что в том, что проект состоялся, заслуга не только моя, но и всего нашего коллектива и особенно издателя. А сегодняшний юбилейный повод — это всего лишь предлог подвести некоторые промежуточные итоги и наметить те рубежи, которые непременно надо взять. И в плане развития и продвижения альманаха, и вообще в дальнейшей жизни. 📧

6 июля 2015 года